

УДК 81'42

DOI: 10.15593/2224-9389/2019.3.8

М.Э. Мосесова

Получена: 08.02.2019

Принята: 07.05.2019

Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Российская Федерация

Опубликована: 30.09.2019

ТЕКСТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ КАК СФЕРА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению англоязычного юридического дискурса на предмет употребления лексем, репрезентирующих значение категории перформативности. В работе раскрывается содержание понятий «перформативность», «юридический дискурс», определяются базовые конститuentы данной дискурсивной сферы, подчеркивается ярко выраженный перформативный характер коммуникации в области права. Материалом исследования служат тексты международных конвенций, находящиеся в свободном доступе в Интернете. С точки зрения автора, текст конвенции является самостоятельным жанром юридического дискурса, которому присущи определенные черты, с одной стороны, сближающие его с остальными жанрами юридического дискурса, с другой – подчеркивающие его уникальный статус и неповторимость. Особое внимание уделяется рассмотрению ключевых элементов структуры текстов международных конвенций, описанию их прагматической специфики, а также характеристике основных языковых средств, с помощью которых в контексте актуализируется аспект перформативности. Опираясь на анализ эмпирического материала, автор приходит к следующим выводам: 1) для текстов международных конвенций характерно наличие четкой структуры, состоящей из ряда связанных и взаимодополняющих элементов (наименование, преамбула, основная часть, заключительная часть, приложения); 2) в текстах международных конвенций находит свою практическую реализацию корпус перформативных высказываний; 3) основными средствами репрезентации категориального значения перформативности в текстах международных конвенций выступают: а) конструкции, образованные по принципу shall (may) + глагол; б) инфинитивные формы с частицей to; в) семантически негативные лексемы типа no, not, nothing, any, without; г) имена прилагательные / наречия (each, every, exclusively и др.).

Ключевые слова: *текст, международные конвенции, жанр, категория перформативности, право, юридический дискурс, английский язык.*

M.E. Mosesova

Received: 08.02.2019

Accepted: 07.05.2019

Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russian Federation

Published: 30.09.2019

TEXT OF THE INTERNATIONAL CONVENTION AS A SPACE OF VERBALIZED PERFORMATIVITY (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The article is devoted to the study of English legal discourse from the perspective of the lexemes that represent the meaning performativity. The paper reveals the content of the concepts of “performativity”, “legal discourse”, defines the basic constituents of this discursive sphere, emphasizes the performative nature of communication in the field of law. The material of the study is represented by international conventions that are freely available online. From the author's point of view, convention is an independent genre of legal discourse, which has certain features, on the one hand, bringing it closer

to other genres of legal discourse, on the other – emphasizing its exclusive status and uniqueness. Special attention is paid to the key elements of the convention structure, description of their pragmatic specificity, as well as the characteristics of the main linguistic devices by which the aspect of performativity is actualized. Based on the analysis of empirical material, the author comes to the following conclusions: 1) texts of international conventions are characterized by a clear structure consisting of a number of related and complementary elements (preamble, main part, annexes); 2) the corpus of performative statements find their practical implementation in the texts of international conventions; 3) the main means of representation of performativity in the texts of international conventions are: a) constructions like shall (may) + verb; b) infinitive and verb forms with particle to; C) semantically negative lexemes such as no, not, nothing, any, without; d) adjectives / adverbs (each, every, exclusively, etc.).

Keywords: *text, international conventions, genre, category of performativity, law, legal discourse, English.*

Введение

Сегодня в фокус внимания лингвистической науки все чаще попадают разнообразные типы профессионального общения, всевозможные модели речевого поведения коммуникантов применительно к различным дискурсивным сферам, к различным типам дискурса, к примеру: политического, делового и т.п. [1; 2 и др.].

Юридический дискурс, выступающий объектом наших исследовательских изысканий, не раз подвергался детальному анализу, описанию и осмыслению [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.]. Однако в силу своей многомерности и разноплановости, а также уникальной природы и языковой специфики данная область знания по сей день изобилует дискуссионными вопросами и пробуждает неподдельный интерес ученых, стремящихся вновь и вновь окунуться в мир неизвестного и неопределенного. Так, одни ученые говорят о ярко выраженном институциональном характере юридической коммуникации, подразумевая наличие у участников определенных статусно-ориентированных ролей [11; 12], другие – указывают на его двойственную природу и вводят в обиход понятие полюсов типа «институциональность – персональность» [13, с. 225].

Мы разделяем позицию О.В. Косоноговой и трактуем юридический дискурс как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект / объект, адресат / адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции» [8, с. 189].

Изучение юридического дискурса нельзя осуществить в полном масштабе без учета его жанровой специфики. Следует заметить, что жанровое пространство современного юридического дискурса имеет многовековую историю и на практике реализуется в виде устных текстов (например, выступления участников суда) и письменных текстов (юридические документы: решения суда, акты, законы, конвенции, жалобы, договоры, постановления и др.). Безусловно, перечисленными типами текста не исчерпывается все жанровое многообразие дискурса сферы права, нами были обозначены лишь наиболее типичные юридические документы.

В силу того, что подвергнуть все указанные выше жанры детальному анализу и скрупулезному изучению не представляется возможным, данное исследование будет сконцентрировано на текстах международных конвенций. При этом своей приоритетной целью считаем рассмотрение специфики вербализации категории перформативности, а также идентификацию и исчисление основных языковых механизмов ее актуализации в текстах англоязычных конвенций.

Исследование и результаты

В самом широком смысле международная конвенция есть соглашение, устанавливающее взаимные права и обязанности государств в какой-либо специальной области. Опираясь на результаты эмпирического анализа, можно утверждать, что для англоязычных текстов международных конвенций характерна четкая структура, включающая, как правило, следующие элементы: а) наименование (название конвенции); б) преамбула – содержит цели соглашения, основные термины и определения; в) основная часть состоит из разделов, статей, частей, глав; г) заключительная часть фиксирует условия и процедуру подписания конвенции; д) приложения – заявления, оговорки, графические материалы и прочее.

Не вызывает сомнения тот факт, что текст международной конвенции, как и любой другой жанр юридического дискурса, призван установить и регламентировать определенные нормы, а также обеспечить их строгое соблюдение. Из этого следует, что рассматриваемый документ должен содержать в себе некий корпус перформативных высказываний, подразумевающих наряду с номинацией того или действия непосредственное его выполнение [см., в частности, 14; 4 и др.].

Далее попытаемся выделить и описать ключевые языковые средства, участвующие в вербализации перформативного потенциала текстов правовой направленности. Очевидно, что значение перформативности передается преимущественно посредством глаголов и различных глагольных конструкций. Применительно к нашей выборке наиболее частотна конструкция с модальными глаголами *shall/may* + глагол (39,4 % всего фактического материала), усилиями которых передается значение долженствования, сводящееся к необходимости соблюдения тех или иных норм, а также безоговорочного выполнения всех предписаний и установок. Приведем примеры:

1) Each State Party **shall**, in accordance with the fundamental principles of its legal system, **develop** and **implement** or **maintain** effective, coordinated anti-corruption policies that **promote** the participation of society and **reflect** the principles of the rule of law, proper management of public affairs and public property, integrity, transparency and accountability [15].

2) For any migrant worker a State of employment *may*:

a) **Restrict** access to limited categories of employment, functions, services or activities where this is necessary in the interests of this State and provided for by national legislation;

b) **Restrict** free choice of remunerated activity in accordance with its legislation concerning recognition of occupational qualifications acquired outside its territory. However, States Parties concerned shall endeavour to provide for recognition of such qualifications [16].

В примере (1) речь идет о необходимости разработки, внедрения и использования каждым государством эффективных мер по борьбе с коррупцией; во втором случае – регламентируются требования по отношению к занятости трудовых мигрантов. Очевидно, что конструкция *shall (may) + глагол* на уровне семантики вербализует функцию долженствования и придает всему повествованию категоричный и перформативный характер.

Вторую по частотности употребления в текстах международных конвенций группу составляют перформативы, представляющие собой *инфинитивные формы с частицей to* (24,6 % от общего количества примеров в выборке), например:

3) The Parties **shall**, in particular, **take** all appropriate **measures**:

a) **To prevent, control and reduce pollution of waters** causing or likely to cause transboundary impact;

b) **To ensure that transboundary waters are used with the aim of ecologically sound and rational water management**, conservation of water resources and environmental protection;

c) **To ensure that transboundary waters are used in a reasonable and equitable way**, taking into particular account their transboundary character, in the case of activities which cause or are likely to cause transboundary impact;

d) **To ensure conservation** and, where necessary, restoration of ecosystems [17].

Пример (3) повествует о необходимости сохранения и защиты водных ресурсов, а также внедрения соответствующих мер для реализации этих задач. Показательно, что все обязательства графически выделяются в отдельную строку и вербализуются через инфинитивные формы с частицей *to* (*to prevent, to ensure*), что, с одной стороны, подчеркивает значимость и актуальность каждого пункта, а с другой – заранее акцентирует внимание на всем спектре действий, предусмотренных к выполнению.

В третью группу перформативных высказываний входят *семантически негативные лексемы* типа *no, not, nothing, any, without* (20,8 % от общего количества примеров в выборке), например:

4) **Nothing** in this Convention shall entitle a State Party to undertake in the territory of another State the exercise of jurisdiction and performance of functions that are reserved exclusively for the authorities of that other State by its domestic law [15].

5) **No concession** granted to private individuals, companies or associations shall involve **any form of forced or compulsory labour** for the production or the collection of products which such private individuals, companies or associations utilise or in which they trade [18].

В данных примерах наличествует употребление отрицательных лексем *no, nothing, any*, вербализующих в контексте строгий запрет или серьезные ограничения на какие-либо действия.

Наконец, к четвертой категории перформативов мы причисляем *имена прилагательные / наречия* (*each, every, exclusively* и др.), на долю которых приходится 15,2 % языкового материала, маркированного перформативным значением, например:

6) **Each Member** of the International Labour Organisation which ratifies this Convention undertakes to suppress the use of forced or compulsory labour in all its forms within the shortest possible period [18].

7) **Every person** from whom forced or compulsory labour is exacted shall be furnished with a certificate indicating the periods of such labour which he has completed [18].

В примерах (6) и (7) препозитивные лексемы *every* и *each* актуализируют значение долженствования и категоричности, тем самым подразумевая строгое соблюдение предписанных норм.

Нужно особо отметить, что англоязычные конвенции могут содержать как определенный вид перформативов, так и смешанный, то есть одновременно весь комплекс обозначенных выше языковых механизмов. Так, следующий отрывок текста международной конвенции интересен с точки зрения лингвистического анализа, поскольку сочетает в себе сразу несколько способов репрезентации категории перформативности:

8) States Parties **shall ensure that:**

a) **No child shall be subjected to torture** or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. **Neither capital punishment nor life imprisonment** without possibility of release shall be imposed for offences committed by persons below eighteen years of age;

b) **No child shall be deprived of his or her liberty unlawfully or arbitrarily.** The arrest, detention or imprisonment of a child shall be in conformity with the law and shall be used only as a measure of last resort and for the shortest appropriate period of time;

c) **Every child deprived of liberty shall be treated with humanity and respect** for the inherent dignity of the human person, and in a manner which takes into account the needs of persons of his or her age.

In particular, **every child deprived of liberty shall be separated from adults unless it is considered in the child's best interest not to do so and shall have the right to maintain contact with his or her family** through correspondence and visits, save in exceptional circumstances;

d) **Every child deprived of his or her liberty shall have the right to prompt access to legal and other appropriate assistance**, as well as the right to challenge the

legality of the deprivation of his or her liberty before a court or other competent, independent and impartial authority, and to a prompt decision on any such action [19].

Очевидно, что в данном фрагменте текста конструкции *shall ensure, shall have the right to, no child shall be, neither ... nor, not to do so, every child* на семантическом уровне подразумевают обязательность выполнения определенных условий и требований, придавая всему повествованию особую категоричность и ультимативность.

Кроме этого, анализ текстов международных конвенций выявил еще одну важную закономерность, заключающуюся в высокой степени адресности, так как в правовых документах четко регламентируются функции и обязанности всех сторон, вовлеченных в юридический процесс. В связи с этим все призывы к действиям обращены либо к государствам, подписавшим конвенцию, либо к конкретным подразделениям той или иной организации, наконец, к конкретным лицам, наделенным соответствующими полномочиями. Приведем примеры:

9) A **State Party** shall have the right to request **the Executive Council** to assist in clarifying any situation which may be considered ambiguous or which gives rise to a concern about the possible non-compliance of another **State Party** with this Convention. **The Executive Council** shall provide appropriate information in its possession relevant to such a concern [20].

10) A State Party may denounce this Convention by written notification to **the Secretary-General of the United Nations**. Such denunciation shall become effective one year after the date of receipt of the notification by **the Secretary-General** [15].

11) **The Committee** shall examine the reports submitted by each State Party and shall transmit such comments as it may consider appropriate to the State Party concerned. This State Party may submit to **the Committee** observations on any comment made by **the Committee** in accordance with the present article. **The Committee** may request supplementary information from States Parties when considering these reports [16].

В представленных примерах фиксируем употребление лексических единиц типа *State Party, the Executive Council, the Secretary-General of the United Nations, the Committee*, выступающих в роли адресатов сообщений, от которых ожидаются непосредственные действия и которые несут ответственность за их невыполнение.

Заключение

Подводя некоторые итоги, отметим, что язык правовых документов в целом и текстов международных конвенций, в частности, имеет свою специфику и уникальность, сводящуюся к актуализации четких установок, конкретных требований и условий. Для решения этой задачи используется целый арсенал лингвистических средств, передающих значение перформативности, категоричности, острой необходимости соблюдения и выполнения всех предписаний соответственно.

Безусловно, представленный в работе перечень перформативных моделей не является исчерпывающим, поскольку репрезентирует материал нашей выбор-

ки. Очевидно, что изучение особенностей речевого поведения того или иного профессионального сообщества сегодня находится в списке приоритетных направлений исследований в русле лингвистической науки, определяя вектор ее дальнейшего развития. В связи с этим юридический дискурс как социально значимый феномен вызывает огромный интерес у ученых, располагая широким спектром нерешенных вопросов и множеством дискуссионных моментов.

Список литературы

1. Ширяева Т.А., Авшаров А.Г. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1 (54). – С. 94–102.
2. Ширяева Т.А., Триус Л.И. Языковая реализация стратегии самопрезентации в британском парламентском дискурсе дебатов // Вестник Пятигорск. гос. лингв. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 103–107.
3. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самар. науч. центра РАН. – 2010. – Т. 12. – № 5 (2). – С. 535–540.
4. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2005.
5. Колесникова Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2007.
6. Дубровская Т.В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2016. – № 3. – С. 117–123.
7. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: монография / под общ. ред. Т.В. Дубровской. – М.: ФЛИНТА, 2018.
8. Косоногова О.В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. – 2008. – № 3. – С. 188–192.
9. Mattila H. Comparative legal linguistics: language of law, Latin and modern lingua Francas. – Ashgate Publishing, 2013.
10. Morawski L. Law, Fact and Legal Language // Law and Philosophy. – 1999. – № 18 (5). – P. 461–473.
11. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2006. – С. 185–197.
12. Слепухин С.Н. Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий ‘persona’, ‘res mobilis / res immobilis’): дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2014.
13. Крапивкина О.А. Жанровое пространство юридического дискурса // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 1 (84). – С. 218–225.
14. Aqvist L. Some remarks on performatives in the law // Artificial Intelligence and Law. – 2003. – № 11 (2–3). – P. 105–124.
15. United Nations Convention against Corruption [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf (дата обращения: 18.12.2018).

16. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cmw.aspx> (дата обращения: 18.12.2018).

17. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf> (дата обращения: 18.12.2018).

18. Forced Labour Convention [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C029 (дата обращения: 18.12.2018).

19. Convention on the Rights of the Child [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/crc.pdf> (дата обращения: 18.12.2018).

20. Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction [Электронный ресурс]. – URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CWC/CWC_en.pdf (дата обращения: 18.12.2018).

References

1. Shiriaeva T.A., Avsharov A.G. Sotsiokognitivnoe modelirovanie kak metodologicheskaja osnova izucheniia delovogo diskursa [Socio-cognitive modeling as a methodological basis of business discourse analysis]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2018, no. 1(54), pp. 94–102.

2. Shiriaeva T.A., Trius L.I. Iazykovaia realizatsiia strategii samoprezentatsii v britanskom parlamentskom diskurse debatov [Verbal realization of self-presentation strategy in the British parliamentary discourse of debate]. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 103–107.

3. Palashevskaja I.V. Funktsii iuridicheskogo diskursa i deistviia ego uchastnikov [Functions of legal discourse and actions of its actors]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, vol. 12, no. 5(2), pp. 535–540.

4. Popova L.E. Iuridicheskii diskurs kak ob"ekt interpretatsii: semanticheskii i pragmaticheskii aspekt [Legal discourse as an object of interpretation: Semantic and pragmatic aspects]. Ph.D. thesis. Krasnodar, 2005.

5. Kolesnikova L.V. Iuridicheskii diskurs kak rezul'tat kategorizatsii i kontseptualizatsii deistvitel'nosti: na materiale predmetno-terminologicheskoi oblasti "Mezhdunarodnoe chastnoe pravo" [Legal discourse as a result of categorization and conceptualization of reality: on the material of the subject-terminological field "International private law"]. Ph.D. thesis. Stavropol', 2007.

6. Dubrovskaja T.V. Iuridicheskii diskurs kak predmet sotsial'nogo konstruksionizma (konstruirovaniie mezhnatsional'nykh otnoshenii) [Legal discourse in the social constructionist paradigm (construction of interethnic relations)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 3, pp. 117–123.

7. Politicheskii, iuridicheskii i massmediinyi diskurs v aspekte konstruirovaniia mezhnatsional'nykh otnoshenii Rossiiskoi Federatsii [Political, legal and mass media discourse in the aspect of construction of interethnic relations of the Russian Federation]. Moscow, FLINTA, 2018.

8. Kosonogova O.V. Iuridicheskii diskurs: lingvopragmatika imeni sobstvennogo [Legal discourse: Linguistic pragmatics of the proper name]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniia*, 2008, no. 3, pp. 188–192.

9. Mattila H. Comparative legal linguistics: Language of law, Latin and modern lingua francas. Ashgate Publishing, 2013.

10. Morawski L. Law, fact and legal language. *Law and Philosophy*, 1999, no. 18 (5), pp. 461–473.

11. Karasik V.I. O kategoriakh diskursa [About discourse categories]. *Iazykovaia lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty*. Volgograd, Peremena, 2006, pp. 185–197.

12. Slepukhin S.N. Indoevropskie mekhanizmy stereotipizatsii v iuridicheskom diskurse (na primere kategorii 'persona', 'res mobilis / res immobilis') [Indo-European mechanisms of stereotyping in legal discourse (by the example of categories 'persona', 'res mobilis / res immobilis')]. Ph.D. thesis. Novosibirsk, 2014.

13. Krapivkina O.A. Zhanrovoe prostranstvo iuridicheskogo diskursa [Genres of legal discourse]. *Vestnik IrGTU*, 2014, no. 1 (84), pp. 218–225.

14. Aqvist L. Some remarks on performatives in the law. *Artificial Intelligence and Law*, 2003, no. 11 (2-3), pp. 105–124.

15. United Nations convention against corruption. Available at: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf (accessed 18 December 2018).

16. International Convention on the protection of the rights of all migrant workers and members of their families. Available at: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cmw.aspx> (accessed 18 December 2018).

17. Convention on the protection and use of transboundary watercourses and international lakes. Available at: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf> (accessed 18 December 2018).

18. Forced labour convention. Available at: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C029 (accessed 18 December 2018).

19. Convention on the rights of the child. Available at: <https://www.ohchr.org/Documents/ProfessionalInterest/crc.pdf> (accessed 18 December 2018).

20. Convention on the prohibition of the development, production, stockpiling and use of chemical weapons and on their destruction. Available at: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CWC/CWC_en.pdf (accessed 18 December 2018).

Сведения об авторе

МОСЕЦОВА Милана Эдуардовна
e-mail: milanamosesova@rambler.ru

Аспирантка кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

About the author

Milana E. MOSESOVA
e-mail: milanamosesova@rambler.ru

Postgraduate Student, Department of the English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)